

НИК ПЕРУМОВ

КОНАН
И КАРУСЕЛЬ БОГОВ

Сага о Конане

Ник Перумов

Конан и карусель богов

«Феникс»

1996

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445

Перумов Н.

Конан и карусель богов / Н. Перумов — «Феникс», 1996 — (Сага о Конане)

ISBN 978-5-222-37427-6

Много врагов - людей и демонов - встречал Конан-киммериец, и ни разу он не был побежден. Но никогда ранее Конан не встречался в битве с богами. Но судьба уготовит ему и это испытание.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445

ISBN 978-5-222-37427-6

© Перумов Н., 1996
© Феникс, 1996

Содержание

Конан и священная роща	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ник Перумов

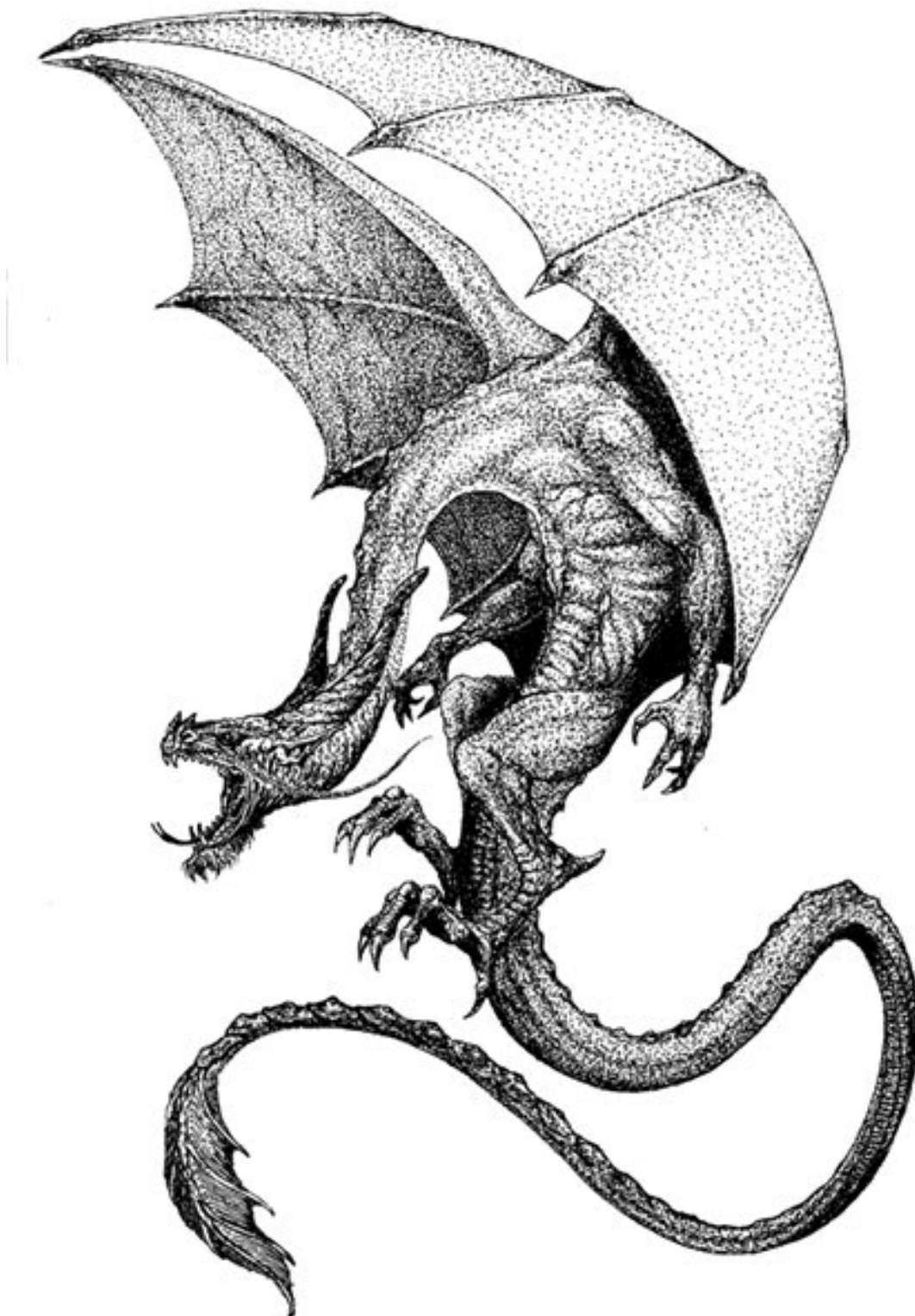
Конан и карусель Богов

© Ник Перумов, 2022

© Оформление: ООО «Феникс», 2022

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Конан и священная роца

Пролог

Ночь была темна и безмолвна, настолько темна и настолько безмолвна, какими ночи бывают только здесь, в далеко оттянувшихся к югу отрогах Акрокеруанских гор. Свайоли с длинными серебристыми листьями застыли, подняв к Ночному Светилу бледные, вытянутые лица с полузакрытыми глазами, что смотрели из глубины сплетения бесчисленных тонких стволов. Стволы эти поднимались из земли плотными группами, подобно стрелам в колчане. Кругом царили мертвые тишина и покой.

По залитой мраком поляне скользила серебристая тень быстрой дриады, обходившей очередным дозором свои владения. Трава на прогалинах у нее под ногами тотчас начинала тускло мерцать, однако этот слабый свет не в состоянии был пробиться сквозь облака мрака, сгустившегося под кронами окрестных деревьев. Любой, кто дерзнул бы погасить свет своего магического факела, тотчас канул бы в плотную, непроглядную завесу тьмы, царившей повсюду в Роще свайолей. Лица их были сейчас запрокинуты; прищуриль дальнзоркие глаза, что видели стократ острее орлиных, свайоли смотрели сейчас на звезды – их единственных они почитали почти что как равных и потому снисходили до них в своих бесконечных, длившихся тысячами размышлениях. Происходящее же на земле их занимало крайне мало – до недавнего времени.

Лес свайолей поражал пришельца своей безжизненностью. Ни звука, ни скрипа, ни шороха, ни хлопанья крыльев, ни голосов ночных птиц – вообще ничего.

Даже бродяга-ветер не осмеливался просто так, без дела, шуршать их кронами. Стояла глубокая, полная, омывающая душу покоем тишина. Ничто не шевелилось; одна лишь дриада, хозяйка рощи, неспешно плыла от одного свайоля к другому, не задевая ни травинки, ни веточки. Ее прохладные белые ладони на миг прижимались к стволам – не притаилась ли где коварная болезнь, насланная злым колдовством, – и она отходила, тотчас направляясь к следующему своему подопечному.

Ночь шла своим чередом. Волчье Солнце мало-помалу опускалось, клонясь к острой черной грани вершин Акрокеруанского хребта, более темной, чем даже ночное небо. Звезды спокойно перемигивались в вышине; дриада завершала обход своей рощи.

Сперва казалось, что не случилось вообще ничего существенного, – просто высоко в воздухе под покрытым лесом холмистыми грядами созвездие Мертвой Головы на мгновение закрыла черная крылатая тень. Вздвогнув, дриада подняла глаза, однако так и не смогла ничего разглядеть. Очертания летящего существа были неразличимы – лишь звезды сперва на мгновение гасли, а затем вновь вспыхивали, обозначая путь крылатого создания.

Дриада ощутила безотчетный, липкий страх. Ее пальцы неосознанно-тревожным жестом поднялись к высокому лбу, над которым струились черные как смола волнистые волосы. Длинные пряди ниспадали до самой земли, окутывая девушку подобно второму плащу.

Несколько мгновений дриада напряженно размышляла, прикусив от волнения нежно-розовую губу блестящими жемчужными зубками. Тень в небесах давно уже скрылась, исчезнув где-то на севере, над острыми вершинами хребтов; на вид в ней не было ничего пугающего или опасного, она не снижалась, не кружила над Лесом свайолей, однако беспокойство маленькой хозяйки не проходило. Она поколебалась еще некоторое время и, отбросив страхи, совсем уже было собралась идти дальше, к своему жилищу в самой глубине Рощи свайолей, как ночное безмолвие внезапно нарушил хор мягких, музыкальных голосов, на все лады твердивших одно и то же:

– Айана, Айана, спаси нас, спаси, спаси от зла на крыльях, оно летит сюда, оно летит сюда, сюда, сюда!..

И без того молочно-белое лицо Айаны лишилось последних красок от ужаса. Она впилась зубами в кисть руки, чтобы не вскрикнуть, а затем, широко распахнув плащ своих волос, сорвала с пояса своего светло-зеленого хитона небольшую темно-коричневую флейту, вырезанную из корня Древа-Отца свайолой.

Страх дриады волнами расходился по роще, трава испуганно прижималась к земле, кусты поспешно втягивали ветви и сворачивали в трубочки листья. Руки Айаны дрожали, она не сразу смогла подобрать нужный мотив, но вот наконец ее пальцы легли как следует на отверстия клапанов флейты, и над замершей рощей полетела тревожная, прерывистая мелодия, для которой куда больше подошел бы громогласный и хриплый рог отряда наемников...

Твари, неведомые твари из Тьмы, враждебные всему живому, вновь разгуливали по многотрадальной земле.

Глава 1

В Шадизаре Проклятом третий день шел ливень. Улицы превратились в грязевые реки; жители отсиживались по домам, редкие прохожие утопали по колени в жидкой размокшей глине. Лавки были почти все закрыты, а в тавернах собрались лишь немногочисленные завсегдатаи.

И лишь в Воровском Квартале, в так называемой Пустыньке, во всех кабаках и борделях жизнь была ключом. Буйный и не стремящийся к встрече с городскими стражниками люд оказался на время дождей без работы – те, чьи кошельки они срезали или чьи дома грабили, сидели по своим норам, не давая благородному воровскому сословию в полной мере показать свои таланты, – чем обитатели Пустыньки, понятное дело, были немало возмущены.

Одни лишь хозяева трактиров и распивочных были премного довольны – благодаря неожиданно свалившемуся ненастью их торговля процветала. Одуревшие от скуки лихие обитатели Пустыньки пили, играли в карты, спорили, дрались, похвалялись, занимались любовью, не слишком стесняясь окружающих, снова пили – и платили.

И потому толстяк Абулетес, содержатель известного постоянного двора в самом сердце Пустыньки, лишь напускал на себя печальный и озабоченный вид, когда многочисленные посетители его заведения в сотый раз за вечер поносили на чем свет стоит погоду и безмозглых Богов, которые вздумали таким образом освежить шадизарские улицы. Дело было и впрямь плохо. Все аристократы или богатые купцы сидели по домам, а их слуги предпочитали подворовывать вино из хозяйских погребов, нежели тащиться до ближайшей харчевни. Лишь очень немногие из воров, настоящие мастера своего дела, решались выходить на промысел в эти поистине неблагоприятные дни.

Дело шло к полуночи. Вовсю чадили плошки с прогорклым маслом, кое-как освещая небольшую, полную людом харчевню. Стоял густой, тяжелый запах немых человеческих тел, дешевых благовоний, которыми пользовались местные девки, жареной требухи, каковой хитроумный Абулетес в основном и потчевал своих посетителей, – хотя, разумеется, кое для кого у него имелось и мясо, и доброе туранское вино.

Дело шло к полуночи. Сегодня здесь не было чужаков; собрались все свои. И разговоры поневоле крутились вокруг одного – скоро ли наконец кончатся эти проклятые ливни.

– А вот Конана что-то не видно, – заметил карманник Фархиз, обращаясь к Вардубу – коренастому немедийцу, промышленявшему в Шадизаре высокоумным искусством взлома.

– Откуда ж ему тут взяться, – проворчал Вардуб, в свою очередь метая кости из стаканчика на грязный, залитый жидким вином и подливой от требухи стол, – он никого не слушает. Сказал, что киммериец не останется под крышей только из-за того, что небесам было угодно пролить нам на грязную голову несколько чашек чистой воды... Так, строю «малый треугольник» со второй попытки и еще одну оставляю... Одиннадцать очков. Ходи. Твой ход...

Фархиз взял протянутый ему стаканчик с костями, и игра продолжилась.

Однако приятели не успели метнуть кости еще и по разу, как плотно закрытая для защиты от непогоды дверь внезапно распахнулась, и на пороге возникла высокая, широкая в плечах фигура, с ног до головы закутанная в грубый суконный плащ. По длинному ворсу потоком стекала вода.

– Уф-ф-хр! – вошедший сорвал мокрый плащ и ткнул его в руки оказавшейся рядом служанки. – Эй, повесь-ка его просушиться, да поближе к очагу, а если там окажется чье-нибудь тряпье на моем всегдашнем месте – скинешь его на пол и устроишь мой плащ, понятно? Фу, ну и погодка...

– Хо, Конан, ты ли это! – воскликнул Вардуб, отрываясь от игры.

– Я, я, или ты совсем ослеп, пытаюсь разобрать точки на этих дурацких кубиках? – бросил в ответ новоприбывший, не поворачивая головы, и неспешно водрузил поджарое, мускулистое тело, широкое в плечах и узкое в талии, на поспешно очищенное мелкой шпаной место подле самой стойки Абулетеса. – Вина! Да поскорее! – Рука киммерийца швырнула на стойку небольшую золотую монету, и по харчевне прокатился вздох невольного восхищения и зависти – все знали, что утром у северного варвара не было ни гроша... значит, он ухитрился заставить Бога воров улыбнуться ему даже в этот, самый что ни на есть неподходящий день. Конан вернулся с добычей!

Конан совсем недавно вернулся из своего жутковатого и, если разобраться, не слишком-то удачного похода вместе с Карелой, Рыжим Ястребом, к крепости черного мага Аманара. Однако о том, что ему довелось вынести в этом предприятии, он предпочитал не распространяться. Как бы то ни было, он вновь обосновался в Пустыньке, на втором этаже постоянного двора Абулетеса, и занялся привычным воровским ремеслом.

Девятнадцатилетний Конан благодаря своим силе, ловкости и звериной отваге северного варвара мог смело выйти на поединок с любым, даже самым опытным мечником Шадизара. Мускулы на груди, руках и спине варвара вздувались мощными буграми; холодные ярко-синие глаза столь редкого для жителей Юга цвета смотрели пристально и холодно, и горе было тому, по чьей вине в них начинало разгораться гневное пламя!

Прямые черные волосы Конан стянул на лбу кожаным шнурком; заношенная и потертая кожаная же куртка с закатанными до локтя рукавами и просторные холщовые штаны, по моде бритунских племен, очень удобные для лазания по заборам и крышам, дополняли его наряд. На запястьях киммерийца были видны недавно зажившие шрамы.

Абулетес поймал брошенную ему монету с ловкостью уличного жонглера. Один короткий взгляд на желтый тяжелый кружок – и спустя мгновение перед Конаном появилась целиком зажаренная баранья нога и пузатый глиняный кувшин с холодным вином. Схватив кость обеими руками, киммериец жадно впился зубами в сочную мякоть.

Одна из девиц, имевшихся в таверне Абулетеса для возвеселения почтенных гостей, подошла к киммерийцу. Полные бедра соблазнительно покачивались; что-то одобритительно проворчав, Конан тотчас облапил ее. Карела осталась в прошлом... а клин, как известно, клином вышибают.

Фархиз и Вардуб многозначительно переглянулись. Северянин, сам того не желая, был неплохим рассказчиком; его живой ум легко подбирал слова, и Конана любили слушать. А повествование киммерийца о его удаче – разумеется, лишь в очень узком кругу относительно доверенных лиц – способно развеять скуку куда лучше уже опостылевшей игры.

Итак, Конан ел, спеша насытиться; карманник, взломщик и еще двое-трое бывалых воров предвкушали захватывающий рассказ киммерийца; девица на коленях у варвара тоже предвкушала кое-что – тот редкий случай, когда она получит удовольствие не только от заработанных ее ремеслом денег, но и от самого занятия, предшествующего плате; Абулетес прикидывал, на сколько дней хватит добычи Конану и не послать ли спешно пополнить запасы вина...

Дверь робко скрипнула. Именно робко скрипнула, не отворилась привычной рукой всегда и не была открыта мощным пинком ног одной из тех немногих особ, что имели на это право, кроме Конана, – а именно робко скрипнула, и в разгульную таверну Абулетеса осторожно вошла тонкая, очень бледная девушка в светло-зеленом перехваченном поясом плаще; роскошные черные волосы, закрученные в толстую косу, спускались до талии и вновь поднимались к затылку, из чего следовало, что, распущенные, они должны были бы доходить до земли. Огромные зеленовато-серые глаза со страхом смотрели на разудалое общество за столами; сжатые в кулачки руки странная посетительница прижимала к груди. На ней не было заметно никаких украшений или драгоценностей, даже волосы на затылке скрепляла простая деревянная заколка.

Собравшиеся дружно вытаращили глаза и разинули рты. Незнакомка была потрясающе красива какой-то дикой, первобытной, нечеловеческой красотой, и в то же время в этой красоте не ощущалось ни капли чувственности.

Все трое девиц Абулетеса как по команде дружно фыркнули и уже приготовились напустить на дерзкую конкурентку (в их жалком представлении никем иным странная гостья и не могла быть); кое-кто из гостей уже одобрительно крикнул, пытаясь пробраться для начала хотя бы взглядом под светло-зеленый ее покров, – как странная посетительница заговорила первой:

– Конан из Киммерии... Я ищу Конана из Киммерии... Мне сказали, что он живет здесь.

– А зачем это он тебе понадобился, крошка? – проревел здоровенный детина кенакцианец, зарабатывавший себе на жизнь убийством за деньги. – Посмотри, сколько здесь славных парней! Или я тебе, к примеру, не нравлюсь, а?

– Кто это тут собрался вякать, если она пришла ко мне?! – Киммериец поднялся, внушительно поведя плечами. – Дьюлк, шакалье отродье, лучше бы ты помалкивал, а то твои шуточки, за которые я тебя еще терпел это время, становятся куда как рискованными!

– Да что ты, Конан, я ж разве бы мог... – забормотал тотчас сникший детина.

Никто не засмеялся – крутой нрав киммерийца был уже давно известен всем завсегдатаям таверны Абулетеса...

– Ну то-то, – внушительно произнес Конан, для верности показывая Дьюлку здоровенный кулак. Северянин одним громадным глотком отправил по назначению оставшееся в чаше вино, не слишком бережно ссадил с колен обиженно поджавшую губы девицу и поднялся, поворачиваясь к вошедшей. – Я Конан. У тебя ко мне дело?

– Да, – еле слышно пролепетала девушка, стараясь встать в самой середине свободного пространства между столами харчевни, подальше от пьяных рук и физиономий.

– Тогда пойдем, – Конан шагнул к ведущей вверх лестнице. Его заблестевшие глаза не без удовольствия скользнули по точеной, стройной фигурке незнакомки. Конечно, куда до нее тем коровам, что промышляли в абулетесовом заведении!

Шлюхи проводили поднимавшуюся следом за киммерийцем гостью злобными взглядами, однако ни на что большее не решились – рука у Конана, всем известно, была тяжелая. Фархиз и Вардуб понимающе причмокнули – девочка и впрямь была что надо. И как же они все-таки липнут к киммерийцу!..

Северянин толкнул одну из дверей на верхнем этаже таверны. Его жилище выглядело сиротливо и голо, комнату можно было бы назвать почти пустой, если не считать лежака в одном углу да простой деревянной лавки с лоханью в другом.

Киммериец уселся на лежак и жестом предложил гостье устраиваться на лавке. Девушка с сомнением покосилась на покрытую застарелой черной грязью поверхность дерева и осторожно опустилась на самый краешек.

– Как тебя зовут? – спросил Конан, разглядывая странную гостью во все глаза. – Отродясь не видывал таких, как ты. Откуда ты родом? Из Турана?

– Я – Айана, – слабо прошелестело в ответ – словно ветер зашуршал листьями. – Я... Я не из Турана, Конан. Я издалека... Не будем пока говорить об этом. В свое время ты все узнаешь... если захочешь, конечно.

– Так, а что же тебе тогда нужно от меня, Айана Ниоткуда?

– Я... Хотела просить тебя сослужить мне одну службу... – Айана не отрывала взгляд от пола.

Надо сказать, что в Шадизаре Конан заслуженно пользовался репутацией лучшего и самого удачливого взломщика, к его услугам нередко прибегали даже богатые купцы и родовитые аристократы, прося киммерийца выкрасть либо компрометирующее письмо, либо подарок, неосторожно сделанный коварной куртизанке... К подобного рода поручениям Конану было не привыкать, и он решил, что понимает, в чем тут дело.

– Это какую ж такую службу? – усмехнулся киммериец. – Нужно вытащить из кошелька вчерашнего любовника-простолюдина неосторожно-нежное послание – так, чтобы не узнала матушка?

– Нет, нет, вовсе нет, – Айана слабо улыбнулась, однако улыбка вышла у нее довольно-таки бледной. – Я хочу просить тебя о помощи твоего меча.

– Это убить кого-то, что ли? – глаза варвара сузились, тон стал заметно суше и холоднее. – Тогда это не ко мне, женщина. Я не убиваю за деньги. Иди вниз, там сидит предостаточно шакальего отродья, которое за медный грош собственного отца зарежет!

– Постой, не сердись, Конан! – Айана умоляюще протянула к нему руки. – Я должна многое объяснить тебе. Я прекрасно знаю, что ты – не наемный убийца. Кстати говоря, именно поэтому я и обратилась к тебе... Мое дело совсем иного свойства. Мне нужно... я хотела... – она замялась, словно не решаясь произнести нечто самое важное, – в общем, я хотела просить тебя, чтобы ты тридцать три дня, считая от новой луны, согласился бы охранять мою рощу.

– Что-что? – Конан ошарашенно уставился на темноволосую гостью. – Такого, признаюсь, мне еще не предлагали, – он в изумлении покачал головой. – Я вор, женщина! Вор и взломщик – как говорят, один из лучших во всей Заморе, – и сторожить какие-то там садики не по мне. Что, трудно найти обходчика с дубинкой?

– Это совсем особая роща... – Айана вновь замялась. – Она очень, очень ценная, она не имеет цены. Есть, увы, немало злоумышленников, что тотчас пустили бы ее под топор ради больших барышей. Через тридцать три дня там появится постоянный сторож, но... я жду нападения именно сейчас. И я щедро отблагодарю тебя!

– Гм... сомневаюсь, – буркнул в ответ Конан, со свойственной молодости беспечностью пропустивший мимо ушей замечание об ожидаемом нападении и думавший в тот момент только о награде. – Сомневаюсь. Что-то ты не слишком богато одета для солидной нанимательницы!

– Тогда смотри! – Айана протянула вперед сложенные горстью ладони. Они были полны золотых монет, причем не каких-нибудь там шадизарских или зингарских, а полновесных, солидных монет Турана, чьи гордые императоры еще не унизились до того, чтобы подмешивать медь в изделия своих казначейств.

Киммериец тихонько присвистнул. Блеск золота слепил глаза; он даже и не подумал обеспокоиться тем, что не видел, откуда достала деньги его странная собеседница.

– Это за один день, – поспешно сказала девушка.

– За это ты можешь нанять целую армию, и не на день, а по крайней мере на месяц, – пробормотал Конан, пристально глядя на золото. «Что-то уж слишком они новые да гладкие, будто прямо из-под чекана, с монетного двора», – мелькнула беглая мысль, однако в тот момент Конан решил не придавать ей значения. – А почему именно я? – осведомился он.

– Ты самый лучший боец во всем Шадизаре, как, впрочем, и во всей Заморе, – улыбнулась ему Айана.

Комплимент из уст столь прекрасной собеседницы попал точно в цель. Взгляд киммерийца потеплел, поневоле стали возникать различные приятные мысли о том, как славно было бы отведать прелестей этой красотки, и потому Конан не задал тех обязательных вопросов, без которых наверняка не обошлось бы, будь он хоть на пяток лет старше. А ведь уже тогда киммериец слышал об изощренном коварстве кушитских охотников за рабами, способных придумать самые невероятные уловки, чтобы заполучить требуемый товар...

– А от кого надо будет охранять... твою рощу? – спросил он, внутренне уже согласившись.

– От любого, кто попытается войти в рощу, не назвав тебе пароля.

– Но я же не могу носиться вокруг нее день и ночь. Нужны помощники, нужна смена, это понимают даже самые тупые десятники в армии этого пьяницы Тиридата, – возразил Конан.

– Увы, но я могу привести только тебя одного, – вздохнула Айана окончательно упавшим голосом.

– Меня одного? – удивился Конан. – Кром, ты говоришь какими-то загадками!

– Прошу тебя, поверь мне! – вдруг горячо взмолилась Айана, падая перед киммерийцем на колени. – Не спрашивай ни о чем, Конан, поверь, просто поверь, ведь золото у тебя в руке – самое настоящее!

Северянин почувствовал себя неловко. Конечно, Карела тоже просила и умоляла его, стоя на коленях, но... там было все совсем по-другому.

– Встань, плащ замараешь, – буркнул он, отводя взгляд. – Ладно, женщина! Будь по-твоему. Значит, тридцать три дня, считая от новолуния? И такая вот пригоршня золота каждый день?

– Ты согласен? – замирающим голосом произнесла Айана, и прежде, чем варвар успел остановить ее, она обняла его ноги.

– Согласен, согласен, и хватит тут ползать! – рассердился Конан. – Пусть никто не сможет сказать, что я испугался последовать за женщиной, которая просила о помощи! Но скажи же мне, долго ли нам добираться до этой твоей роши? Надо ж запастись провизией, лошадьми...

– Лошади у меня наготове, припасы тоже, – поспешно сказала девушка. – А ехать нам с тобой недолго – эту ночь да следующий день.

– Что, надо выезжать прямо сейчас? – неприятно удивился Конан. – Во имя Митры, разве нельзя подождать, пока кончится дождь?

Айана отрицательно покачала головой.

– Это будет стоить тебе еще одну такую же пригоршню монет, – злорадно сообщил ей Конан и принялся собираться.

Глава 2

По правде говоря, сборы Конана оказались очень недолгими. Он переоделся, лишний раз провел точильным камнем по лезвию меча, не без удовольствия пересыпал в свой кошель полученную плату, потуже подпоясался и заявил, что готов.

Под изумленными взорами всей таверны Конан и Айана молча прошествовали к дверям.

– Эй, счастливого тебе пути, киммериец! – крикнул им вдогонку Вардуб.

На улице по-прежнему хлестал дождь. Айана подвела варвара к стоявшим под навесом оседланным коням.

– Хороши, – заметил киммериец. – Отличная порода! Я таких не видывал и у туранских купцов.

– Они из моих краев, – чуть помедлив, ответила девушка. – Но мы никому и никогда не продаем их...

– Глупо, по-моему, – напрямик заявил Конан. – За таких красавцев и сам правитель Турана не пожалеет золота!

Айана ничего не ответила. Тронув поводья, она пустила коня шагом, варвар последовал за ней – говорить в этом ливне все равно было невозможно.

Они оставили позади узкие, кривые, заполненные грязью улицы Пустыньки; миновали кварталы ремесленников и мелких торговцев; проехали центральную, более или менее чистую, часть города и оказались наконец подле наглухо закрытых по ночному времени внешних ворот. Как и положено, толстенный брус засова был вдвинут до упора, в окне караульни рядом мерцал едва заметный огонек.

– Не советовал бы я тебе будить славную и доблестную нашу стражу, – с презрительной усмешкой бросил насквозь промокший к тому времени Конан. – Ты намерена перелететь через стену?

– Отодвигай запор, – ответила Айана. – И не беспокойся за стражу.

– Вот как? – Конан поднял бровь. – Слушай, женщина, ты наняла меня, но я тебе не тряпичная кукла, с которой ты можешь делать все что угодно! Меньше всего я желаю устраивать здесь состязание по фехтованию со стражниками!

– Они все крепко спят, – терпеливо ответила Айана. – Я обо всем позаботилась. Отодвигай!

Конан бросил угрюмый взгляд на свою спутницу, однако она не отвела глаз.

– Открывай! – повторила девушка настойчивее.

Киммериец пожал плечами, спешил и налег могучим плечом на торец бревна, запиравшего ворота. Он отлично знал, что при любой попытке сдвинуть засов в караульне должны были зазвонить колокольцы и стража обязана была оторвать задницы от лавок хотя бы для того, чтобы получить свою всегдашнюю мзду. Киммериец весьма сильно сомневался в служебном рвении охранников, однако был абсолютно уверен в их корыстолюбии...

Все оставалось спокойно. Хмыкнув, Конан продолжал налегать на запор.

– А ты беспокоился, – невозмутимо заметила Айана, когда их кони миновали ворота.

– Да уж не колдунья ли ты? – не слишком радостно осведомился Конан. – Женщина, предупреждаю тебя – мне случалось убивать и чародеев!

– Мне прекрасно известно об этом, – ответила девушка. – Взять хотя бы хозяина Башни Слона! Но я не собираюсь тебя обманывать. Да и сам подумай: если я была бы чародейкой и задалась бы целью убить тебя – зачем мне тащить тебя куда-то в ночь и непогоду, если я могла бы усыпить всю таверну, не исключая и тебя, безо всяких хлопот?..

Конан ничего не ответил, однако его правая рука плотнее сжала рукоять меча.

Они ехали и ехали сквозь дождь и тьму, направляясь куда-то на юг от Шадизара. Айана молчала; Конан следовал за ней в нескольких шагах, напряженный и внимательный, готовый к любой неожиданности. Он не доверял своей странной проводнице.

Позади оставались хорошо знакомые окрестности заморанской столицы. Поля и деревеньки перемежались богатыми виллами знати; нарядные постройки окружали густые сады. Айана ехала по торной дороге, никуда не сворачивая.

«Хотел бы я знать, где ж это в пределах одного дня пути от Шадизара находится эта роща? – ломал себе голову Конан. – Кром, что-то я не припомню так далеко ни одной усадьбы! Разве что храм? Нет, храмов вроде там тоже нет... Тогда что же? Или она собирается затащить меня куда-нибудь? Может, я приглянулся какому-нибудь чародею и тот жаждет принести меня в жертву своему дурацкому божку?» Киммериец верил в Крома, могучего и жестокого Бога, который, однако, был неподкупен и не интересовался какими-то там жертвами.

Дождь хлестал не ослабевая.

«И как она только выдерживает все это? – дивился киммериец, глядя с невольным уважением на свою спутницу. Даже ему, закаленному и холодом, и ветром, нелегко было провести в седле всю ночь, подобную этой. – Льет как из ведра, а она, по-моему, даже и не промокла ничуть...»

Лошади, от которых тоже трудно было бы ожидать резвости в такую погоду и по такой дороге, однако, бежали вперед весьма бодро. Айана не подавала признаков усталости, и киммериец, стиснув зубы, решил, что скорее заложит свою душу по сходной цене какому-нибудь демону, чем выкажет себя слабее этой тонюсенькой, как былинка, длинноволосой девчонки. И еще – его, уже успевшего привыкнуть к легким любовным победам, несколько задело полное равнодушие нанимательницы к его мужской стати...

На рассвете они остановились на придорожном постоялом дворе. Швырнув мальчишке ловко пойманную тем мелкую серебряную монетку и велел ему позаботиться о лошадях, Конан подошел к хозяину заведения. Киммериец несколько раз останавливался здесь, и владелец узнал его.

После нескольких ни к чему не обязывавших фраз северянин выложил на стойку матово блеснувшую туранскую монету из числа полученных им от Айаны. Глаза трактирщика увлажнились, при ее виде он судорожно сглотнул – все его дело можно было купить самое большее за пару таких монет...

– Слушай, она будет твоей, если ты скажешь мне, есть ли где-то в дне пути от твоей таверны какая-нибудь заповедная роща или хоть что-нибудь, пусть даже отдаленно на нее похожее, – бросил киммериец, не спуская глаз с двери, за которой скрылась его спутница.

На лысине трактирщика даже проступил пот, он долго мычал, фыркал, морщил лоб и обнаруживал иные признаки напряженной работы памяти, однако, к крайнему разочарованию Конана, так и не смог указать ему подобного места.

– Во имя Митры и Асуры, – тихо хрипел хозяин. – Я очень хочу получить эту монету, но лгать тебе все равно не стану. Я знаю все здешние места на три дня пути от моей харчевни в любую сторону; и, клянусь тебе Подземными Богами, здесь ты не найдешь ничего подобного. Храмы если и есть, так только в деревнях. Усадьбы ты уже проехал, дальше только несколько имений, но там вся земля распахана. Есть, конечно, несколько рощ... но я сам много раз бывал в каждой из них и скажу тебе прямо – никакие они не заповедные.

– Н-да, – на скулах киммерийца вспухли желваки. – Ну ладно, монета все равно твоя – за правдивость.

Рука трактирщика метнулась к увесистому желтому кружку быстрее бросающейся на добычу гремучей змеи.

– Послушай, Конан, – вдруг произнес хозяин шепотом, несколько раз украдкой оглянувшись по сторонам. – Я благодарен тебе по гроб жизни и хочу помочь тебе всем, чем только смогу. Ответь мне – не наняла ли тебя эта черноволосая особа, с которой ты приехал?

Киммериец оторопел.

– Послушай меня, я желаю тебе добра, – продолжал горячо шептать трактирщик. – Я вспомнил ее! Год назад, именно в это время, она проезжала здесь и останавливалась на моем дворе. С ней еще был некто Гатадес, бывший капитан гвардии Тиридата, причем не придворный холуй, а рубака из настоящих! Так вот, туда он с ней проехал... а обратно уже не вернулся.

– Гатадес! – глаза Конана сверкнули. – Ты точно помнишь это?!

– Как перед Истинным Богом! – ударил себя кулаками в грудь хозяин.

– Я слышал об этой истории, – медленно произнес Конан. – Об этом судачили какое-то время в Шадизаре... Гатадес и впрямь исчез, и никто не видел его с тех пор – ни живым, ни мертвым...

– Это какая-то западня, Конан, – трактирщик облизнул пересохшие от страха губы. – Мой тебе совет – садись на коня и скачи назад! А уж эту я как-нибудь да спроважу... куда подальше.

– Ну вот уж нет, – с расстановкой произнес киммериец. – Уж теперь-то я точно поеду с ней! Позор мне отступить там, где не струсил южанин!

– Не струсить-то он не струсил... да только это глупость, а не храбрость! – решился возразить помрачневшему киммерийцу хозяин. – Назад-то он не вернулся!

– Но и труп его тоже не нашли, – ответил Конан, прекращая разговор, и отправился в снятую им для них с Айаной комнату. По пути он подцепил за ухо тащившего целый поднос яств поваренка и притащил с собой еще и обильный завтрак.

– Давай-ка подкрепимся. Еще целый день спину ломать...

Они ели в молчании. Айана не поднимала глаз на внимательно разглядывавшего ее киммерийца.

– Послушай, женщина, а от кого мне все-таки придется охранять твою рощу? – вновь спросил Конан. – Это будут люди? Или звери? Или... ни те и ни другие?

– Мои уста должны оставаться запертыми до тех пор, пока мы не очутимся в моей роще, – лицо Айаны выражало крайнее отчаяние. – Я понимаю, что тебе мое поведение должно показаться весьма подозрительным...

– Оно мне и кажется подозрительным! – жестко ответил Конан.

– Но я и впрямь ничего не могу сказать тебе! – умоляюще продолжала Айана. – Ведь рассуди сам: будь это ловушка – разве не имела бы я сотни самых что ни на есть убедительных историй на все случаи жизни?

Конан в замешательстве пожал плечами. Он уже был достаточно искушен в искусстве обмана, коим столь виртуозно владели люди Юга, в отличие от его жестоких, но куда более прямодушных сородичей. Слова тут не значили ничего. За самой искренней, самой горячей речью могла скрываться гнусная и предательская западня. Однако этой Айане ему отчего-то хотелось верить... хотя он и гнал, как мог, от себя подобные мысли.

Киммерийца так и подмывало спросить Айану о Гатадесе; однако не следовало раньше времени выдавать, что знаешь несколько больше, чем предполагает эта красивая и загадочная черноволосая девица...

– Ладно. Тогда все обсудим на месте, – как можно более спокойно и беспечно сказал он, вплотную занявшись завтраком.

Весь день после этого путь их протекал безо всяких происшествий. Земли здесь, между Шадизаром и Арэнджуном, в самом сердце королевства Заморы, были густо заселены, и, как ни старался горький пьяница Тиридат вконец разорить страну из рук вон плохим управлением и непомерными налогами, ему это пока не удалось, и попадавшиеся Конану деревни имели

довольно-таки зажиточный вид. Двигались купеческие караваны; крестьяне на ослах спешили по своим делам; мир казался прочным, привычным и понятным, где уже не может быть места ничему волшебному или чудесному...

Но уж кто-кто, а Конан знал, что это совсем не так.

Наступил вечер, а они по-прежнему ехали по широкому торговому тракту.

– Не пора ли появиться твоей роще? – не выдержал наконец киммериец.

– Видишь вон те пальмы на холме? – вместо ответа вытянула руку Айана. – Нам с тобой туда.

– Туда? – удивился Конан. – Да ведь это всего лишь три пальмы, за ними ложбина, а там вряд ли что-нибудь растет, кроме верблюжьей колючки!

– погоди, нам осталось совсем немного... – Айана положила руку на предплечье Конана. Киммериец хмыкнул и промолчал.

Девушка повернула коня и действительно направила его к трем стоявшим отдельно пальмам. Киммериец следовал за ней, и меч его был до половины вытасен из ножен.

– Мы приехали, – чуть торжественно произнесла Айана, оборачиваясь к Конану.

Северянин настороженно огляделся. Они стояли на вершине невысокого холма, на котором одиноко торчали три старые пальмы. За холмом, как и сказал Конан, тянулась унылая серая ложбина, лишь кое-где покрытая редкой пустынной растительностью.

– Что-то не вижу я тут никакой рощи, – прорычал киммериец. Засады здесь устроить было явно негде, и у него мелькнула мысль, что он имеет дело с умалишенной.

– Оглянись, – прозвенел голос Айаны, и киммериец ощутил затылком поток влажного воздуха. Инстинкт, однако, заставил его сперва отъехать на несколько шагов в сторону от Айаны и только потом повернуться.

Дорога куда-то исчезла. Прямо перед собой Конан увидел край глухого, девственного леса, чем-то напоявшего его горные чащобы его родной Киммерии. Он мгновенно взглянул в другую сторону – там расстилалась ровная степь, вся покрытая густой травой почти в половину человеческого роста. Справа и слева тянулись высокие гряды поросших лесом холмов, а еще дальше, прямо перед ним, вздымались уходящие в поднебесье горные вершины, поблескивая белоснежными коронами.

– Эт-то что такое?!.. – только и смог выдавить из себя киммериец.

– Мы на краю моей рощи, которую ты взялся охранять тридцать три дня, – спокойно сказала Айана.

– Где мы?! Что это за колдовство?! Ты напустила мне в глаза чародейского тумана, и ты поплатишься за это! – взревел варвар, выхватывая меч.

– погоди! – взмолилась Айана. Она поспешно соскочила с коня и шагнула к Конану, поднимая вверх безоружные руки. – Выслушай меня! Я одна, и я в твоей власти, но, умоляю, выслушай меня, прежде чем судить! Я не человек, Конан из Киммерии. Я дриада, хранительница и хозяйка этой рощи – священной Рощи свайолей. Это последнее место на нашей земле, где они еще остались, – мыслящие бессмертные деревья, деревья с человеческими лицами... Бесчисленные века они внимали всему, что происходило в мире. Еще сильнее их занимали события в звездных пределах, в обителях Богов и небожителей. Через немногих посвященных великое знание приходило в мир людей – и тех, кто жил до них, – отвращая мыслящих, наделенных душой существ от путей Зла. И издавна – наверное, с самых первых дней существования этой рощи – Боги Тьмы старались уничтожить ее. Шесть других, подобных этой, уже пали. Моя – последняя. Если замыслы Тьмы воплотятся, Светлым Божествам – таким как Митра, Асура, Индра или твой Кром – вряд ли удастся устоять перед натиском ратей Сета, Великого Змея, Повелителя Ночи, Властителя Демонов... Слышал ли ты, Конан, когда-нибудь о Зеленом братстве, о Зеленых храмах? Это священные обители тех, кто постигает мудрость тысячелетий, накопленную свайолями. Они, эти посвященные, не ищут ни власти, ни богатства. Они лишь

стараятся хотя бы немного усмирить бушующие в людях звериные страсти, их безумную тягу к уничтожению себе подобных...

– Слушай, давай по-простому, – бесцеремонно перебил дриаду Конан.

Для него в ту пору подобные разговоры значили не больше, чем жужжание мошкеры вечерней зарей. Мысли его были сейчас заняты одним – как выбраться отсюда? Киммериец совершенно не собирался класть свою голову во славу каких-то там деревьев-уродов, не иначе как странных южных Богов, обзаведшихся человеческими лицами... «Я должен выбраться отсюда!» – звенело в ушах киммерийца. Он не обратил внимания даже на признание Айаны в том, что она – не человек.

– Ты обманула меня, женщина. Когда мы уговаривались, ты не сказала ни слова о том, что роща заколдована; ты не сказала ни слова о том, что охранять ее мне придется не от каких-нибудь там охотников за редкими древесными маслами – а от демонов Тьмы, если я правильно тебя понял! Благодарю покорно, – он издевательски поклонился, – с меня хватило одного ожившего мертвеца, оказавшегося куда как притким! Вот тебе твое золото, и отправляй меня обратно, слышишь?! Я не заключаю союзов с теми, кто не держит слова.

– Я не отправлю тебя обратно, Конан из Киммерии, – звенящим от волнения голосом ответила Айана. – Можешь не верить мне, но дорогу домой тебе закрывают чары куда сильнее моих. И лишь проведя здесь оговоренный срок, ты сможешь вернуться. Если хочешь, убей меня – может, тебе станет от этого легче. Моя жизнь – ничто в сравнении с жизнью этих последних свайолой. А кроме того, убив меня, ты все равно не сможешь вернуться. Тебе так или иначе придется вступить в бой с теми, кто вот-вот появится здесь, – иначе они сотрут с лица земли и саму рощу, и всех, кто окажется в ней.

– А чего это ради я буду сидеть здесь и ждать, пока меня сожрет какой-нибудь дракон? – возразил киммериец. – Оставайся себе в своей роще, а я устроюсь где-нибудь поблизости. Тридцать три дня уж как-нибудь проживу!

– Всемогущий Кром, что же случилось с лучшим из твоих суровых сыновей? – с мукой в голосе воскликнула вдруг Айана, поворачиваясь к северу. – Тот, кто раньше бросался в бой по первому зову сердца, ныне торгуется, словно последний наемник, да еще и трусливо бежит от опасности!

Рык взбешенного Конана заставил бы поджать хвост и убраться восвояси самого льва.

– Твои крики никого и ни в чем не убедят, – заявила Айана. – Ты просто трусишь, а я еще считала тебя самым лучшим бойцом Заморы!

Старый как мир прием тем не менее достиг цели. Некоторое время Конан еще продолжал бушевать, однако мало-помалу его гнев проходил.

– Войдем в рощу, – предложила Айана. – Ты должен взглянуть на все собственными глазами.

Все еще недовольно бурча – он терпеть не мог, когда ему что-то навязывали, – киммериец последовал за дриадой.

И едва он пересек границу отбрасываемой ближайшим деревом тени, как мир вокруг него вновь волшебным образом изменился. Воздух сделался необыкновенно свеж, чист и полон благоухания. Нежно-изумрудная листва, казалось, слабо светилась под лучами яростного солнца. Здесь почти не оказалось подлеска – величественные деревья возвышались в гордом одиночестве, и извивы их мощных корней прикрывали лишь толстые слои сухих опавших листьев. Конан сделал один шаг, другой, третий – идти по упругой земле было невыразимо приятно, хотелось сбросить сандалии и пройтись босиком, и он немедленно сделал это, тотчас же ощутив, как его ноги забывают об усталости. Ступни словно бы покалывали тысячи и тысячи мельчайших иголок, и это ощущение почему-то казалось киммерийцу очень приятным. Он потянулся, с хрустом разминая суставы, и вдохнул полной грудью, впивая этот воздух, точно самое лучшее старое офирское вино...

– Идем, идем за мной, я покажу тебе свайoley! – Айана уже бежала вперед.

Словно в полусне, киммериец шагал за ней. Он впервые в жизни оказался в столь прекрасном месте; разве могли сравниться с ним полные мертвой роскоши дворцы земных владык, которые ему не раз приходилось освобождать от кое-каких небольших, но ценных предметов обстановки или убранства! Дикая душа Конана, выросшего среди суровых, но девственных лесов и гор, смутно ощутила нечто родное; глубоко-глубоко в памяти, где хранились воспоминания об отце, родился отклик; сперва он причинял лишь беспокойство, но мало-помалу беспокойство это стало перерастать в твердую уверенность – он не может бросить такое место на произвол судьбы... пусть это покажется глупым какому-нибудь Вардубу, не говоря уж о Фархизе, но... так похожую на его родные места рошу и впрямь нужно защищать.

Киммериец отлично понимал, что внешне этот небольшой лес имеет весьма мало общего с теми чащобами и отвесными горными кручами, среди которых рос Конан. Но было здесь и нечто неуловимое, чему неискушенный в высоких словах северянин не мог подобрать соответствующего определения, но что он четко ощущал своим острым чутьем варвара, ощущал – и не мог ошибиться.

Конан брел, не думая ни о чем, стараясь лишь не терять из виду мелькавшую впереди спину Айаны, когда дриада неожиданно остановилась, а в следующее мгновение киммериец ощутил направленный на него пристальный взгляд.

Глава 3

Они стояли перед невысоким и очень странным деревом, Конан ни разу в жизни не видел ничего подобного. Прямо из земли поднимался неохватный ствол, или, вернее, группа плотно прилежавших друг к другу тонких коричневатых стволов, покрытых гладкой, блестящей корой, почти неотличимой от сильно загоревшей человеческой кожи. На высоте примерно двух ростов Конана эти прямые, точно стрелы, стволы буквально взрывались пышной кроной, состоявшей, как показалось северянину, из одних лишь длинных серебристых листьев, напоминавших метательные туранские кинжалы. Ветвей с земли заметно не было.

И откуда-то сверху, из густого, непроглядного сплетения коричневых черенков и серебристых листьев, на киммерийца смотрели спокойные, пронзительные нечеловеческие глаза.

Конану не раз приходилось смотреть в лицо сильным мира сего, скрещивать свой взгляд с налитым кровью взором очередного врага, уже замахнувшегося кривой саблей, – и он никогда не опускал глаз первым. Однако на сей раз он ощутил охвативший его до самых глубин естества трепет – трепет не страха, но ожидания...

Крона диковинного дерева медленно раздвинулась, и из гущи ветвей, из облака серебряной листвы прямо на киммерийца воззрилось вытянутое узкое лицо бледно-сиреневого цвета. На лице выделялись тонкогубый, плотно сжатый рот, прямой длинный нос и громадные глаза под прямыми, словно росчерк пера, бровями.

Глаза свайоля были такими же, как у дриады Айаны.

– Он смотрит на тебя, – прошептала хранительница роци застывшему Конану, не знавшему, то ли ему надлежит с достоинством поклониться, то ли просто пройти мимо, сделав вид, что он ничего не заметил. – Он смотрит на тебя, смертный, после стольких тысячелетий спокойного созерцания звезд и высоких небесных сфер!

Конан невольно усмехнулся. Вот-вот, у них всегда так – тысячу лет глядеть в небо... а потом искать спасения у какого-то ничтожного смертного, на которого раньше не обращал ровным счетом никакого внимания!

Усмешка эта помогла прогнать невольно нахлынувшее оцепенение. Конан встряхнулся и увереннее зашагал вслед за Айаной. Что ж, быть может, он и поможет им – как телохранитель, за хорошую плату. Что же тут такого? Теперь он и сам уж готов был стыдиться своей недавней слабости. Что на него нашло? Разве не занимали его шадизарские и аренджунские купцы охранять их караваны на кишашей разбойниками дороге через Карпашские или Кезанкийские горы? И кроме того – ведь здесь ему предстояло защищать существ, которые никак не могли постоять за себя – не могли даже убежать.

– А мне что, нельзя было поговорить с ним? – невольным шепотом спросил он Айану, когда они отошли от первого встреченного ими свайоля.

– Ты, конечно, сможешь говорить с ними со всеми – но лишь после того, как на это даст свое согласие Древо-Отец свайолей.

– Древо-Отец? Это кто еще такой?

– Это их прародитель, – просто объяснила Айана. – Все свайоли, какие только были в мире, – его дети. Было время, когда их род процветал, и число их росло, и посвященные закладывали новые роци в дальних уголках мира... до тех пор, пока не пришел Сет и небо не заволокло Тьмой. А теперь эта роца последняя. Враг оставил ее на лакомство, дабы насладиться мучениями Отца-Древа – ведь Отец видит и слышит глазами и ушами каждого из своих детей, и потому он множество раз погибал, корчась в муках, когда в захваченных врагом рощах расставался с жизнью очередной свайоль. Теперь может настать и его черед – если ты не придумаешь, как нам отразить нападение.

Конан угрюмо усмехнулся – он не любил красивых слов.

Неприметной тропкой Айана вела киммерийца в самую глубь рощи. Несколько раз им пришлось перебираться через ручьи, по дороге встретился и один небольшой проточный пруд. . . И чем дальше шли они, тем больше им попадалось свайолей. Наконец исчезла вся прочая растительность – остались лишь эти удивительные существа, облаченные в серебристые плащи своей длинной листвы. И каждый раз, когда Конан и Айана проходили мимо, из облачных крон появлялись странные, нечеловечески вытянутые бледно-сиреневые лица, провожавшие киммерийца долгими внимательными взорами. Северянин не боялся ни духов, ни зверей, ни людей, но от этих взглядов ему почему-то становилось не по себе.

– Так все-таки, с кем мне придется драться? – вновь обратился Конан к дриаде. Он уже забыл, что лишь несколько минут назад кипел от гнева, считая себя обманутым, и намеревался отсидеться где-нибудь в стороне, ни во что не вмешиваясь. – Теперь-то ты, надеюсь, можешь сказать мне это? И потом – почему я один? Даже если я и лучший боец во всей Заморе, нужно было набрать самое меньшее еще сотни четыре-пять. Почему было не открыться мне сразу? Я нашел бы верных людей. . .

– Уложениями Высоких Богов, – торжественно и печально произнесла Айана, – Богов, перед силой которых трепещут и Митра, и Сет, для защиты моей родины я могу выставить только одного бойца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.